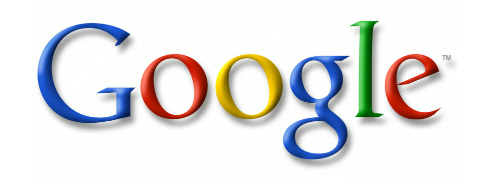
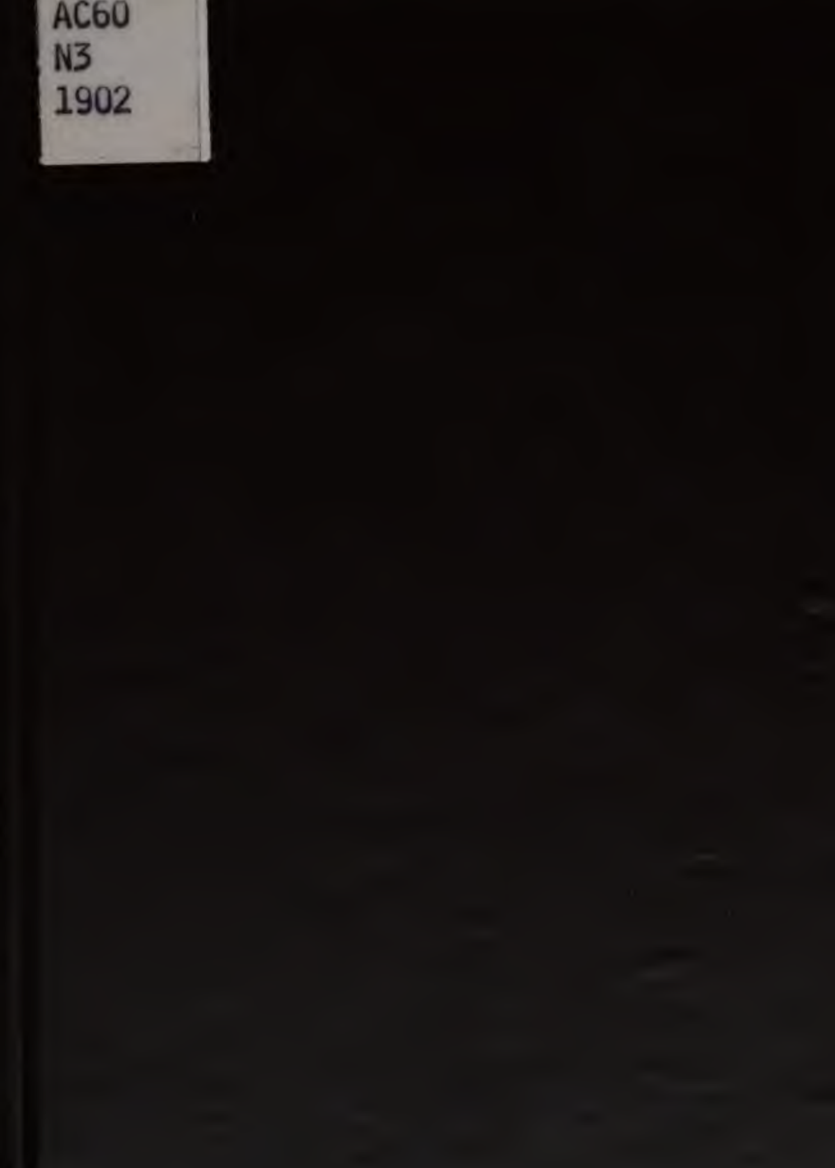

AC60
N3
1902

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

* * *

Новыя революціонныя стихотворенія.

НА ЗЛОБУ ДНЯ.

НА ЗЛОБУ ДНЯ

Мелкія запрещенныя статьи и стихотворенія

М. Горькаго, Л. Н. Толстого
и другихъ

— Разрушенный молъ. — Лѣсъ рубятъ. — Письмо Л. Н. Толстого къ царю. — Два письма Л. Н. Толстого. — Побѣдоносцевъ какъ отрицатель самодержавія В. Ч. — Голуби побѣдители. — Ослы и Левъ.

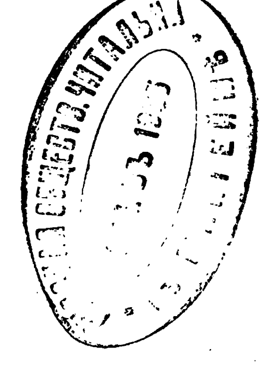
БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
1902.

Содержаніе.

М. Горькій.

Разрушенный молъ.

Баллада.

Солнце грѣетъ. Легкій вѣтерокъ. Море слегка колышется. Наша лодка мѣрно несется по волнамъ; парусъ поднятъ. . . Ширь, просторъ . . . Вдали старый разрушенный молъ. Мы подъѣзжаемъ къ нему. Волны съ силой ударяютъ въ каменную преграду и радостно, свободно катятся черезъ многосаженную брешь, пробитую въ этой стѣнѣ.

„Не любитъ море преградъ", — замѣтилъ мой спутникъ, старый загорѣлый морякъ.

— А давно прорвало этотъ молъ? — спросилъ я, невольно поражаясь горячей силой волнъ, снесшихъ эти громадныя скалы.

„Надо думать давно", — какъ-то задумчиво отвѣтилъ онъ.

„А знаете, — обратился онъ ко мнѣ, —

излюбленное нашихъ моряковъ преданіе о борьбѣ моря съ этими скалами? Хотите, я вамъ разскажу его"?

* *
*

„Какъ вольныя птицы на волѣ, были волны морскія свободны... Буря мать ихъ баюкала пѣсней, и въ весельи безпечномъ онѣ катились въ безбрежную даль...

„Но мрачный и злобный тиранъ человѣкъ, завидуя участи волнъ, ихъ свободы лишить захотѣлъ, чтобъ гордо онѣ не носились надъ могучею бездной морей, чтобы яркому солнцу, лазурному небу игриво онѣ не смѣялись!..."

„Послалъ онъ послушныхъ рабовъ; холодныя скалы изъ нѣдръ достали земли, въ глубь моря бросать начинали..."

„Взыгралося море..."

„Весело волнамъ глядѣть, какъ скалы на дно упадаютъ. Скачутъ, тѣснятся, хохочутъ; угрюмыя скалы ласкаютъ, мечутся волны: то-то раздолье".

— „Изъ нѣдръ холодной земли къ намъ хмурыя гости пришли; шумной пѣснею ихъ [illegible]чимъ; теплымъ привѣтомъ и лаской со-

грѣемъ, въ морѣ родномъ вмѣстѣ рѣзвиться, свѣтъ и свободу славить мы будемъ". Весело юнымъ волнамъ.

„Лишь буря, да отецъ ураганъ злобнымъ свистомъ гостей провожаютъ, мрачно на скалы глядятъ".

„А скалы все падаютъ, падаютъ въ море, тѣсно ложатся другъ къ другу, плотной стѣною растутъ, волны морскія тѣснить начинаютъ, ихъ бѣгу свободному путь преграждаютъ. . ."

„Смутилися волны, пугливо глядя на высокую мрачную стѣну: впервые имъ путь прегражденъ".

„И ровно свой бѣгъ продолжая, о скалы ударились грудью. . . Со стономъ отхлынули прочь. . . Стѣна холодна, неприступна. . ."

„Вздрогнуло море. . ."

„Въ ужасѣ мечутся волны, о мрачныя скалы грудь разбивая".

„Стонъ по морю пошелъ. . ."

„Мчатся угрюмыя волны. „Измѣна, измѣна!" кричатъ. — Мы ихъ какъ друзей принимали. . ."

„Свободу, свободу украли у насъ!"

„Плачетъ мать буря... Съ ревомъ къ мрачной стѣнѣ несется отецъ ураганъ!...“

„О скалы! о, грозныя скалы! Когда то и вы свободными были, когда то и вы свободой дышали... Зачѣмъ вы у дѣтокъ свободу украли?“

„Нахмурились грозныя скалы.“

„Не наша въ томъ воля! Украдешь, коль прикажутъ украсть“, — мрачнымъ стономъ онѣ отвѣчали и злобно надъ моремъ нависли.“

„Помчалась мать буря, помчался отецъ ураганъ со свистомъ и плачемъ надъ моремъ, волны сзываютъ, волнамъ вѣсть подаютъ роковую.“

„О, волны, о, бѣдныя волны! Погибла, погибла свобода!... Отнынѣ рабами вы стали...“

„И умчалися прочь...“

„Замерло море...“

„Могучія старыя волны въ глубину морскую ушли... Не разбудитъ ихъ буря; отецъ ураганъ ихъ не кличетъ.“

„И волны младыя угрюмо катятся, не слышно ни смѣха, ни пѣсенъ о прежней свободѣ; и солнце такъ тускло свѣтитъ на небѣ; и небо такъ хмуро, такъ сѣро кругомъ... Лишь

изрѣдка юныя волны, истомившись въ суровой неволѣ, дружною ратью на врага ополчались. Сомкнутой цѣпью ударятъ на острыя скалы, — неприступныя скалы не дрогнутъ; гулкимъ эхомъ лишь стонъ раздается, — то стонутъ разбитыя груди отважныхъ борцовъ.“

„Плакало море...“

Шли годы...

Много прошло ихъ...

„Много волнъ молодыхъ о скалы грудь свою разбивали...“

„Все мрачнѣй и мрачнѣй становилось кругомъ...

Смутилися волны. — Будемъ ждать! будемъ силъ набирать!“

„Шли годы...

„Юныя волны окрѣпли. Гонцовъ во всѣ стороны моря онѣ разослали, спящихъ будить, всѣ волны на битву со скалами звать.

„Спустились гонцы въ пучину къ старымъ волнамъ, — старыя волны звать на борьбу.

„Старыя волны угрюмо сѣдой головою качаютъ. — „Нѣтъ въ насъ ни мощи, нѣтъ въ насъ порыва. Гдѣ намъ бороться, гдѣ намъ со скалами спорить!“

„Бросились волны — гонцы родимыхъ искать, матушку-бурю, отца урагана кликать.

„Рыскали по морю, — нѣтъ; въ горныхъ ущельяхъ нашли.

— „Съ привѣтомъ, съ поклономъ, родимые, мы отъ волнъ гонцы къ вамъ пришли. Оставьте вы тѣсныя горы, въ море скорѣе летите, сорвите позорныя цѣпи, что духъ нашихъ братьевъ сковали! Вдохните вы въ старыя волны духъ жизни и жажду свободы; сберите вы грозныя рати и дружно на скалы ихъ двиньте! Не страшна намъ борьба, и смерть не страшна, мы хотимъ лишь свободу для братьевъ спасти.“

„Трепетно сердце забилось матери бури; огнемъ загорѣлась кровь отца урагана. Рѣчи гонцовъ имъ напомнили добрые старые годы.

„Ласковымъ взоромъ окинули юныхъ гонцовъ; изъ горныхъ ущелій въ безбрежное море ревомъ могучимъ несется радостный кликъ:

— „Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ свободу спасать, свободу спасать, свободу спасать. Вставайте могучія волны, разбейте оковы свободы, преграды разрушьте!...

Могучъ былъ тотъ кликъ: онъ и спящихъ будилъ, старыхъ юными дѣлалъ, отвагу и бодрость внушая!

И волны вставали, и волны катились, послушныя зову борьбы.

Ночь глухая стояла надъ моремъ, черныя тучи нависли кругомъ, когда впервые раздался могучій призывъ.

Съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ волны сбирались, въ стройныя рати сбирались.

Юныя волны отвагой горятъ, первыя къ приступу рвутся...

„Молніей — бурей надъ моремъ промчались; ураганъ имъ на помощь несется. Заревѣла буря.... Загрохоталъ ураганъ...

Поднята рать...

— „Впередъ, могучія волны! Смерть иль побѣда!" съ воинственнымъ кликомъ къ мрачной стѣнѣ понеслись.

Вздрогнули хмурыя скалы... Несутся все быстрѣй.... Грудью впередъ выступаютъ, грудью ударились въ скалы, замертво пали... Кровью обрызганы скалы, кровью безстрашныхъ бойцовъ.

Стонетъ мать-буря: „дѣти, родимыя дѣти! ужъ первыя пали! Еще много падетъ васъ, но сломимъ сегодня врага!“

Море клокочетъ. . .

Павшимъ на смѣну волны несутся. . . Какъ онѣ грозны! какъ онѣ мощны! . . . Съ грохотомъ, ревомъ въ острыя скалы ударятъ, отскочатъ назадъ, снова ударятъ, и умирая братьевъ на помощь зовутъ. Крѣпко скалы стоятъ. Но мрачно, безстрашно волны катятся, и нѣтъ имъ конца, нѣтъ имъ предѣла, грознымъ волнамъ. . .

Море ушло съ береговъ; всѣ волны въ дружину попали. Стонъ и ревъ надъ моремъ стоялъ. . .

Какъ могучіе львы, старыя волны на помощь младымъ понеслись. Разсыпались бѣлыя кудри, земля задрожала кругомъ; съ страшной силой на скалы бросаются. . .

Ужъ утро настало, сѣрое мрачное утро. Все скалы стоятъ неприступно. . .. Все свищетъ надъ волнами буря, а волны все гибнутъ и гибнутъ, объ острыя скалы грудь разбивая.

Съ ужасомъ люди сбѣжались. Угрюмо глядятъ рыбаки, какъ гибнутъ безстрашныя волны въ неравной, казалось, борьбѣ. Сжималось сердце отъ боли, и плакали мрачные люди, и Бога молили, чтобъ скорѣе борьбу прекратилъ, чтобъ волнамъ побѣду послалъ.

Самъ злобный тиранъ человѣкъ, что скалы на море надвинулъ, теперь ужаснулся. Дрогнуло черствое сердце при видѣ страданій и гибели моря. О, съ восторгомъ какимъ скалы теперь бы убралъ и волнамъ свободу вернулъ!...

Но поздно.... Ужъ волны не плачутъ, ужъ волны не молятъ... Слишкомъ много погибло тутъ воли, слишкомъ сладостна месть за погибшихъ....

И съ мрачной отвагой, подъ кликъ бури могучей къ утесу блестящему хлынули.... Чуютъ кругомъ: иль свергнутъ холодныя скалы онѣ, иль море могилою станетъ...

Мѣрно, безстрашно несутся. Впередъ, дружно ударили въ стѣну — дрогнули скалы подъ мощнымъ ударомъ... Замерли волны, отринули взадъ, съ буйнымъ бѣшенствомъ ринулись снова... Все въ свалкѣ смѣшалось... Стонъ и грохотъ надъ моремъ стоялъ, и море,

казалось, со дна поднялось, съ небомъ слилось. . .

И рухнули скалы! . . .

Подъ послѣднимъ ударомъ поддались, съ шумомъ сверглись въ морскую пучину, гдѣ погибшія волны лежали.

— „Прочь позорные трупы! — скаламъ низвергнутымъ море реветъ, — здѣсь могила отважныхъ бойцовъ за свободу; здѣсь юныя волны лежатъ“. . .

Развергłось дно моря, и въ мрачную бездну съ проклятьемъ скалы упали. . .

— „Наша ль вина? Волнамъ слава — намъ вѣчный позоръ за позорное дѣло!“

Ликуетъ безбрежное море. Оно побѣдило мощную силу врага. И волны свободно катятся и славятъ погибшихъ бойцовъ, что юною жизнью своею братьямъ свободу вернули. . .

„Слава погибшимъ!
„Живущимъ — свобода! . . .“

Я сидѣлъ очарованный этой дивной народной легендой. . . Съ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на свободныя волны, дышавшія силой и могучей отвагой.

Надо мною лазурная синева неба; подо мною безбрежное море, залитое мягкимъ свѣтомъ яркаго майскаго солнца.

Вдали шумъ городской жизни, хохотъ жалкаго довольства, черный дымъ, свистъ нагайки, лязгъ цѣпей, и стоны, жалкіе стоны. . .

— — — — — — — — — — — — — —

И чудилось мнѣ, будто тамъ далеко, далеко за синевой моря буря ревѣла. . .

О, люди! о, жалкіе, жалкіе люди! . . .

II.

Лѣсъ рубятъ.

Лѣсъ рубятъ... молодой еще, зеленый лѣсъ,
А сосны старыя, нахмурившись, стоятъ себѣ
угрюмо
И, полныя неразрѣшимой думой,
Печально такъ глядятъ въ нѣмую даль небесъ.

* *
*

Лѣсъ рубятъ... оттого ль, что рано зашу-
мѣлъ,
Что пѣсней радостной своей будилъ природу,
Что молодой мечтой онъ слишкомъ рано пѣлъ
Про солнце ясное, про счастье, про свободу?

* *
*

Лѣсъ рубятъ... но земля укроетъ сѣмена,
Пройдутъ года — и мощной жизни силой
Подымется зеленая стѣна
И зашумитъ надъ братнею могилой...

III.

Письмо Л. Н. Толстого къ царю.

Ваше Императорское Величество,

Предлагаемое письмо*), полученное мною изъ Канады, такъ коротко, трогательно, краснорѣчиво своей простотой и вмѣстѣ съ тѣмъ касается такого важнаго предмета, что я очень прошу васъ прочесть его самимъ и однимъ и отдаться тѣмъ добрымъ чувствамъ, которыя письмо это навѣрное вызоветъ въ вашемъ добромъ сердцѣ.

Девять молодыхъ женщинъ, живущихъ на свободѣ, въ достаткѣ и двѣ старыя матери какъ особенной милости просятъ о томъ, чтобы имъ дана была возможность изъ свободной и обезпеченной жизни переѣхать въ самое ужасное мѣсто изгнанія и самыя тяжелыя

*) Въ этомъ письмѣ канадскія духоборки просили русское правительство разрѣшить имъ вернуться къ своимъ мужьямъ, сосланнымъ въ Якутскую область.

условія. Какіе должны быть нравственные и сильные люди, эти мужья и жены, если послѣ всѣхъ тѣхъ страданій, которымъ они подверглись, они думаютъ не о себѣ, а другъ о другѣ и о томъ, чтобы быть вѣрными брачному закону. И какъ много много люди эти должны были перестрадать другъ за друга въ этой шестилѣтней разлукѣ.

Но страдаютъ такъ не одни эти люди: десятки, если не сотни тысячъ лучшихъ русскихъ людей страдаютъ также и еще хуже отъ религіозныхъ гоненій, которыя по какому-то удивительному недоразумѣнію продолжаютъ существовать и въ послѣднее время даже усиливаются въ Россіи, тогда какъ уже давно всѣми просвѣщенными людьми и правительствами признана нелѣпость, жестокая несправедливость и, главное, безцѣльность такихъ гоненій.

Я давно уже хотѣлъ сказать вамъ про тѣ ужасныя и безсмысленныя жестокости, которыя подъ видомъ защиты государственной религіи, творятся вашимъ именемъ. Мои преклонннын года и близость смерти побуждаютъ меня не откладывать далѣе. Тысячи и тысячи [illegible] религіозныхъ и потому самыхъ

лучшихъ людей, составляющихъ силу всякаго народа, уже погибли или теперь погибаютъ въ тюрьмахъ, въ тяжкомъ изгнаніи, или высылались и высылаются изъ Россіи. Цвѣтъ населенія не только Кавказа, но Россіи, 8000 духоборовъ бросили навсегда свое отечество и не только не сожалѣютъ о немъ, но съ отвращеніемъ и ужасомъ вспоминаютъ о немъ, благодаря тѣмъ жестокостямъ, которымъ они подвергались въ немъ. Нѣсколько тысячъ молоканъ изъ Карской области и изъ Эриванской губ. (прошенія которыхъ о выселеніи изъ Россіи я доставилъ вамъ), молокане изъ Ташкента, десятки тысячъ людей изъ Харьковской, Кіевской, Полтавской, Екатеринославской губерній, притѣсняемые за вѣру, только одного просятъ, чтобы имъ дана была возможность покинуть свое отечество и уйти туда, гдѣ бы они могли безпрепятственно исповѣдывать Бога такъ, какъ они понимаютъ его, а не такъ, какъ этого требуетъ начальство, большей частью не признающее никакого Бога. Зная, что все это дѣлается вашимъ именемъ (а вы не можете не знать этого, если же не знаете, то поручите изслѣдовать это правдивому человѣку и онъ подтвердитъ вамъ

мои слова) и зная то, что вы можете прекратить это, вы не найдете душевнаго спокойствія, пока не прекратите этого.

Ваши совѣтчики, тѣ самые люди, которые устроили эти гоненія и руководятъ ими, скажутъ вамъ, что уничтожить этого нельзя, что я утопистъ, анархистъ, безбожникъ и меня не надо слушать. Но вы не вѣрьте имъ.

То, что я говорю, я говорю, не съ своей точки зрѣнія, а становясь на точку зрѣнія разумнаго и просвѣщеннаго правительства. А съ этой точки зрѣнія уже давнымъ давно доказано что всякія религіозныя гоненія, кромѣ того, что роняютъ престижъ правительства, лишаютъ правителей любви народа, не только не достигаютъ той цѣли, для которой учреждаются, но производятъ обратное дѣйствіе.

И потому уже давнымъ давно пора: во первыхъ пересмотрѣть и уничтожить существующіе законы о гоненіяхъ за вѣру, во вторыхъ прекратить всѣ преслѣдованія за отступленіе отъ принятаго государствомъ исповѣданія, въ третьихъ освободить всѣхъ, на основаніи прежнихъ законовъ сосланныхъ и изгнанныхъ за преступленія противъ вѣры и въ четвер-

тыхъ, не казнить какъ преступленіе несогласіе религіозной совѣсти съ требованіями государства, а стараться примирить это противорѣчіе, какъ оно примиряется на судѣ при отказѣ отъ присяги обѣщаніемъ говорить правду или какъ оно примирялось съ Менонитами при отказѣ ихъ отъ военной службы, замѣной ея обязательными не военными работами.

Сдѣлавъ это, вы не только снимете съ себя тяжелую лежащую на васъ отвѣтственность, но почуствуете радость сознанія совершеннаго добраго дѣла.

Помоги вамъ Богъ сдѣлать то, что Ему угодно.

Любящій васъ Левъ Толстой.

7 декабря 1900 г.

IV.

Два письма Л. Н. Толстого.

I.

Къ православному священнику.

Любезный братъ ***, сожалѣю, что не знаю отчества. Письмо ваше доставило мнѣ большое удовольствіе. Вы — четвертый священникъ, въ которомъ я встрѣчаю полное согласіе — не съ моими взглядами, а съ сущностью ученія Христа, которое въ настоящемъ его значеніи доступно младенцамъ и не можетъ вызывать разногласія. И это мнѣ очень радостно.

Одно въ вашемъ письмѣ немного смутило меня. Это ваше упоминаніе о метафизикѣ и церковности. Боюсь, что у васъ составилась своя метафизика или вы держитесь церковной метафизики, которая даетъ вамъ возможность съ вашими взглядами оставаться священникомъ. По тому, что вы служите 10 лѣтъ, я

3*

заключаю, что вы еще молодой человѣкъ и годитесь мнѣ въ сыновья, если не въ внуки, и потому я позволю себѣ дать вамъ непрошенный совѣтъ о томъ, какъ по моему мнѣнію долженъ поступать священникъ, освободившійся отъ суевѣрія и понявшій ученіе Христа въ его настоящемъ значеніи и желающій слѣдовать ему. Часто, находясь въ положеніи несоединимомъ съ слѣдованіемъ ученію Христа, — каково положеніе военнаго и священника, — люди придумываютъ или усваиваютъ себѣ какую нибудь сложную, запутанную систему метафизики, которая должна оправдать ихъ положеніе. Вотъ отъ этого соблазна я бы хотѣлъ предостеречь васъ. Для христіанина нѣтъ и не можетъ быть никакой сложной метафизики. Все, что можно назвать метафизикой въ христіанскомъ ученіи, состоитъ въ простомъ, понятномъ всѣмъ положеніи что всѣ люди — сыны Бога, братья и потому должны любить и отца, и братьевъ и, вслѣдствіе этого, поступать съ другими такъ же, какъ желаешь, чтобы поступали съ тобой. Я думаю, что всякая метафизика сверхъ этого — отъ лукаваго и придумана только затѣмъ, чтобы примирить свое — непримиримое съ

христіанкимъ ученіемъ — положеніе. Есть еще священники — я знаю такихъ, — которые, чувствуя несовмѣстимость своего положенія съ чистымъ пониманіемъ христіанства, думаютъ оправдаться тѣмъ, что въ ихъ положеніи они легче могутъ бороться съ суевѣріями и распространять христіанскую истину. Полагаю и такое положеніе еще болѣе неправильнымъ. Въ религіозномъ дѣлѣ цѣль не можетъ оправдывать средства уже потому, что средства отступленія отъ истины уничтожаютъ всякую возможность достиженія цѣли, состоящей въ наученіи истины. Главное же то, что ни одинъ человѣкъ не призванъ къ тому, чтобы поучать другихъ (Мѳ. XXIII, 8, 9*) — а только къ тому, чтобы самому совершенствоваться въ истинѣ и любви. И только черезъ это совершенствованіе себя (безъ всякой мысли о другихъ) можетъ человѣкъ дѣйствовать на другихъ.

---

*) Мѳ. XXIII, 8. „А вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ Учитель, Христосъ; всѣ же вы братья.“

9. „И отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ: ибо одинъ у васъ Отецъ, который на небесахъ.“

Простите, что возражаю вамъ на то, чего вы не говорили и можетъ быть и не думаете, но получивъ сильное и радостное впечатлѣніе отъ вашего письма, мнѣ захотѣлось высказать все, что я думалъ о трагическомъ положеніи священника, понявшаго истину и о наилучшемъ выходѣ изъ этого положенія и объ опасностяхъ этого положенія.

Лучшій выходъ изъ этого положенія, — героическій выходъ — по моему тотъ, чтобы священникъ, собравъ своихъ прихожанъ, вышелъ къ нимъ на амвонъ и, вмѣсто службы и поклоновъ иконамъ, поклонился бы до земли народу, прося прощенія у него за то, что вводилъ его въ заблужденіе. Второй выходъ тотъ, который избралъ, лѣтъ 10 тому назадъ, замѣчательный человѣкъ, покойникъ, знакомый мнѣ изъ Вятской семинаріи священникъ Апполонъ, служившій въ Ставропольской епархіи. Онъ заявилъ архіерею, что не можетъ, по измѣнившимся взглядамъ, продолжать священствовать. Его вызвали въ Ставрополь, и начальство и семейные такъ мучили его, что онъ согласился вернуться на свое мѣсто. Но, пробывъ меньше года, не выдержалъ и опять отказался, и разтрится. Жена остави-

ла его. Всѣ эти страданія такъ повліяли на него, что онъ умеръ, какъ святой, не измѣнивъ своимъ убѣжденіямъ и, главное — любви.

Это второй выходъ; но я знаю, какъ онъ страшно труденъ — въ виду семейныхъ отношеній всякаго священника и окружающей его среды, — и потому я вполнѣ понимаю и никакъ не осуждаю священника, который по слабости остался священникомъ, несмотря на то, что не вѣритъ въ то, что дѣлаетъ. Одно, что я говорю и позволяю себѣ совѣтовать (совершенно то же совѣтую людямъ, христіанамъ, отъ которыхъ требуютъ солдатской службы) — это то, чтобы не употреблять свой разсудокъ на ухищренія, посредствомъ которыхъ представлялось бы, что поступая дурно, — я поступаю хорошо. Только бы человѣкъ держалъ передъ собой истину во всей ея чистотѣ, не кривилъ бы душой, и онъ найдетъ средство, поступить наилучшимъ, смотря по своимъ силамъ, образомъ. Священникъ, понимающій истинно христіанское ученіе, долженъ по моему мнѣнію, какъ и всякій христіанинъ, дѣлать первое — стремиться познать истину во всей ея чистотѣ и полнотѣ

— независимо отъ своего положенія, и второе, по мѣрѣ силъ измѣнять свое положеніе, приближая его къ познанной истинѣ. (Приближеніе это дѣлается само собой, если человѣкъ искрененъ). Насколько же человѣкъ приблизится (священнику это очень трудно, такъ какъ его положеніе не только далеко, но противоположно, враждебно истинѣ), насколько и какъ онъ приблизится — это дѣло его съ Богомъ, о которомъ посторонніе судить не могутъ.

Братски привѣтствую васъ.

Любящій васъ братъ

Левъ Толстой.

15 августа 1901 г.

2.

Къ французскому пастору).*

М. Г.

Я получилъ ваше письмо и благодарю васъ за чувства, которыя вы мнѣ выражаете. Очень благодаренъ вамъ также за выдержки

*) Переводъ съ французскаго оригинала А. Ч.

изъ Огюста Сабатье.*) Я очень жалѣю, что только по имени и по отзывамъ знакомъ съ этимъ выдающимся человѣкомъ. Выдержки приводимыя вами о его способѣ пониманія христіанства доказываютъ мнѣ, что я могъ бы быть съ нимъ въ полномъ общеніи мыслей и чувствъ, такъ же какъ и съ вами и всѣми тѣми, которые раздѣляютъ его пониманіе. —

Есть, тѣмъ не менѣе одинъ пунктъ, въ которомъ я не схожусь съ вами: это съ вашимъ представленіемъ о необходимости церкви, и — потому пасторовъ (священниковъ), т. е., лицъ, облеченныхъ извѣстной властью (авторитетомъ). Я не могу забыть 8 и 9 стиховъ изъ XXIII гл. Мѳ. — не потому, что это стихи изъ евангелія, но потому, что для меня — совершенно очевидная истина, что не можетъ быть пасторовъ, учителей, руководителей между христіанами, и что именно это нарушеніе евангельскаго закона до настоящаго времени свело почти къ нулю проповѣдь истиннаго христіанскаго ученія.

По моему главнѣйшій смыслъ христіанскаго

---

*) Извѣстный писатель—авторъ біографіи св. Франциска Ассизскаго.

ученія есть возстановленіе прямого общенія между Богомъ и человѣкомъ. Всякій человѣкъ, который беретъ на себя роль посредника въ этомъ общеніи, мѣшаетъ тому, кѣмъ онъ хочетъ руководить, войти въ прямое общеніе съ Богомъ и, — что̀ еще хуже, — самъ совершенно удаляется отъ возможности жить по христіански. По моему, — верхъ гордости, грѣхъ, болѣе всего отдаляющій отъ Бога, это — сказать себѣ, что я въ состояніи помогать другимъ жить хорошо и спасать ихъ души. Все, что̀ можетъ сдѣлать человѣкъ, старающійся слѣдовать христіанскому ученію, — это стараться совершенствоваться сколько только возможно (Мѳ. v. 48),*) употреблять на это самосовершенствованіе всѣ свои силы, всю свою энергію. Это единственный способъ воздѣйствія на своихъ ближнихъ и помощи имъ на пути добра. — Если существуетъ церковь — то никому не дано знать ея предѣловъ и никто не можетъ знать, принадлежитъ ли онъ къ ней или нѣтъ? Все, что̀ человѣкъ можетъ желать и на что надѣяться, — это

---

*) Мѳ. V, 48. „И такъ будьте совершенны, какъ совер[illegible] Отецъ вашъ небесный."

стремиться стать частью ея, но никто не может быть увѣренъ, что онъ сталъ таковымъ на самомъ дѣлѣ, и еще менѣе того предполагать, что онъ имѣетъ право и возможность руководить другими. Прошу васъ, Милостивый Государь, извинить меня за откровенность, съ которой я излагаю мое мнѣніе противное вашему, и вѣрить чувствамъ симпатіи и уваженія, съ которыми я остаюсь готовый къ услугамъ.

Левъ Толстой.

26 августа 1901 года, с. с.
Ясная Поляна.

V.

Побѣдоносцевъ, какъ отрицатель самодержавія.

Побѣдоносцевъ, какъ отрицатель самодержавія*).

Вѣроятно мало кому изъ нашихъ читателей извѣстно, что оберъ-прокуроръ синода К. П. Побѣдоносцевъ недавно печатно полемизировалъ съ революціонеромъ-анархистомъ П. А. Кропоткинымъ по поводу бывшихъ волненій въ Россіи. Происходила эта необычайная полемика на англійскомъ языкѣ, на страницахъ американскаго ежемѣсячнаго журнала „The North American Review“, въ сентябрскомъ выпускѣ котораго, за истекшій годъ, появилась статья „Россія и народное образованіе, Константина Побѣдоносцева“ въ отвѣтъ на статью „Современный кризисъ въ Россіи, князя Кропоткина“, помѣщенную въ майской книгѣ того же журнала.

*) Изъ Свободнаго Слова № 2.

Общее содержаніе статьи Побѣдоносцева не представляетъ, разумѣется, по существу ничего новаго противъ того, что̀ обыкновенно высказывается людьми въ его положеніи. Читатель легко можетъ себѣ представить, какъ онъ доказываетъ, что въ Россіи вовсе не происходитъ того, что́ на самомъ дѣлѣ происходитъ; — что русскій народъ подобенъ малому ребенку, или дикарю, требующему того своеобразнаго ухода, который можетъ доставить ему одно только отеческое попеченіе русскаго самодержавія и православной церкви, и т. п. Все это изложено со свойственнымъ Побѣдоносцеву авторитетнымъ тономъ и тою ясностью и плавностью рѣчи, которыя придаютъ самымъ неимовѣрно ложнымъ его утвержденіямъ внѣшній обликъ правды въ глазахъ людей, по чему-либо не имѣющихъ возможности свѣрить его слова съ дѣйствительностью.

Но для насъ представляетъ интересъ не эта, конечно, сторона его статьи, имѣюшая цѣлью бросить пыль въ глаза иностранцамъ, незнакомымъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Интересны для насъ нѣкоторыя весьма характерныя признанія, косвенно вытекающія

изъ словъ случайно проговорившагося русскаго государственнаго человѣка и обнаруживающія истинныя, закулисныя отношенія этого разряда людей къ своей дѣятельности.

Такъ, напримѣръ, желая оградить себя передъ общественнымъ мнѣніемъ Запада отъ всякой отвѣтственности въ жестокой расправѣ правительства надъ студентами, — Побѣдоносцевъ пишетъ въ своей статьѣ: „Я не имѣлъ никакого отношенія къ дѣятельности министерства народнаго образованія, которое было поручено Боголѣпову... До своего назначенія, Боголѣповъ былъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ, и послѣ того мы оставались чуждыми другъ другу. Онъ былъ скорѣе враждебно настроенъ противъ меня, противодѣйствовалъ мнѣ и ни одного раза не совѣтовался со мною“. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько прилично подобное киваніе въ сторону умершаго и потому безотвѣтнаго товарища по службѣ, — въ этомъ заявленіи любопытно откровенное признаніе одного изъ ближайшихъ царскихъ совѣтниковъ того, что въ высшихъ русскихъ правительственныхъ сферахъ господствуетъ такой разладъ и безурядица, что два государствен-

ные дѣятеля, занимающіе, съ правительственной точки зрѣнія, столь отвѣтственные и тѣсно связанные посты, какъ министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, могутъ исправлять свои обязанности, не находясь даже въ разговорныхъ отношеніяхъ между собой.

Изъ приведеннаго утвержденія Побѣдоносцева (по поводу отдачи студентовъ въ солдаты) о томъ, что онъ „не имѣлъ никакого отношенія къ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія", вытекаетъ естественное заключеніе, что онъ не принималъ участія въ установленіи знаменитыхъ „временныхъ правилъ". Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, какъ явствуетъ изъ тайнаго документа, опубликованнаго нами въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ изданій*), — еще въ 1882 году, на совѣщаніи министровъ, Побѣдоносцевъ первый внесъ предложеніе объ отдачѣ провинившихся студентовъ не только въ солдаты, но даже въ дисциплинарные батальоны и роты.

*) См. „Листки Свободнаго Слова № 21, стр. 46. Совѣщанія Комитета министровъ 1882—1884 гг. Ред.

Въ то время эта звѣрская мѣра показалась слишкомъ крайнею даже собранію изъ русскихъ министровъ и великихъ князей, а впослѣдствіи она была сравнительно смягчена и примѣнена въ видѣ привлеченія исключенныхъ студентовъ къ отбыванію воинской повинности безъ всякихъ льготъ. Такъ что, если можно считать Побѣдоносцева непричастнымъ къ отдачѣ кіевскихъ студентовъ въ солдаты, въ прошломъ году, то развѣ только въ этомъ смыслѣ, что если бы его первоначальное предложеніе восторжествовало, то надъ ними совершена была бы еще болѣе возмутительная жестокость.

Не удивительно поэтому, что, выражая въ этой же статьѣ свое неодобреніе отдачи въ солдаты 180-ти студентовъ, Побѣдоносцевъ оплакиваетъ не самую жестокость этой мѣры, а единственно то, что она была „сразу примѣнена къ слишкомъ большому количеству юношей“ и тѣмъ вызвала такой шумъ и волненія.

Но характернѣе всего то отношеніе высшихъ представителей русскаго правительства къ самодержавной власти, которое косвенно и, конечно, безсознательно для самаго автора

обнаруживается въ слѣдующемъ замѣчательномъ заявленіи, дословно нами переведенномъ изъ статьи Побѣдоносцева:

„Слѣдуетъ помнить, что нашъ Императоръ никогда не издаетъ такихъ указовъ подъ своей личной отвѣтственностью. Онъ довольствуется утвержденіемъ въ закономъ указанныхъ случаяхъ резолюцій различныхъ административныхъ комитетовъ и распоряженій своихъ министровъ. Распоряженіе о военной службѣ для студентовъ, виновныхъ въ нарушеніи университетскаго устава, было издано независимо отъ всякой иниціативы со стороны Императора. Министры, на совѣщаніи, созванномъ по случаю университетскихъ безпорядковъ, нашли нужнымъ прибѣгнуть къ этому наказанію, и ихъ постановленіе было представлено на Высочайшее благоусмотрѣніе. Были изданы временныя правила, по которымъ примѣненіе этой кары въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно было зависѣть отъ особой комиссіи, включавшей министровъ подлежащихъ вѣдомствъ, и постановленія этой комиссіи должны были вступать въ законную силу, не нуждаясь въ Высочайшемъ утвержденіи. Кіевское дѣло было

поэтому рѣшено такимъ образомъ, и воля Императора не принимала въ немъ никакой доли участія".

Согласно этому неосторожному признанію одного изъ высшихъ русскихъ государственныхъ дѣятелей оказывается, что, въ случаяхъ примѣненія на практикѣ высочайше утвержденныхъ постановленій, слѣдуетъ считать, что царская воля не принимаетъ въ этомъ никакого участія! Другими словами, современные русскіе правительственные воротила смотрятъ на утвержденіе государемъ изобрѣтаемыхъ ими постановленій, какъ на пустую формальность, не налагающую на царя никакой отвѣтственности въ томъ, что̀ онъ подписалъ. Невольно вспоминается замѣчаніе, сдѣланное въ одной изъ прокламацій, выпущенныхъ во время послѣднихъ студенческихъ волненій, о томъ, что въ наше время власть русскаго самодержца сведена къ роли резиноваго штемпеля, который министры иногда прикладываютъ къ своимъ распоряженіямъ.

Что русское правительство превратилось въ необузданную олигархію, въ которой воля царя играетъ самую ничтожную роль, — это

мы давно знаемъ и неоднократно высказывали; но чтобы закусившіе удила представители этой олигархіи могли до такой степени занестись, чтобы самимъ цинично заявлять о своемъ фактическомъ самодержавіи и о невмѣняемости русскаго царя, даже по отношенію къ имъ самимъ подписаннымъ указамъ, — этого, признаться, даже и мы не ожидали.

Съ нашей точки зрѣнія, конечно, все равно, одинъ ли запутанный и опьяненный властью человѣкъ, или цѣлая кучка ихъ будетъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ государственный произволъ, которому суждено существовать ровно столько времени, сколько самъ народъ будетъ подчиняться ему. Но всякій новый придатокъ лжи и обмана къ такому злу дѣлаетъ его еще болѣе вреднымъ и соблазнительнымъ. И самая пагубная сторона дѣятельности всякихъ Побѣдоносцевыхъ и имъ подобныхъ въ томъ и заключается, что они постоянно усиливаютъ элементъ лжи и лицемѣрія, которымъ проникнута русская правительственная и въ большой степени общественная жизнь. Стараясь избавить царя отъ отвѣтственности въ имъ самимъ утверждаемыхъ [illegible]еніяхъ, эти люди тѣмъ безсо-

вѣстнѣе лгутъ, что передъ глазами русскаго народа они, какъ разъ наоборотъ, настойчиво выдвигаютъ впередъ авторитетъ самодержавія, постоянно прикрываясь именемъ царя для совершенія самыхъ темныхъ и злыхъ дѣяній. Въ государствѣ, номинально считающемся „самодержавнымъ", подобный пріемъ съ одной стороны сваливанія министрами своей отвѣтственности на царя, а съ другой отрицанія ими его вмѣняемости, окончательно упраздняетъ всякую отвѣтственность кого бы то ни было передъ кѣмъ бы то ни было. А при такихъ условіяхъ, можетъ только до безконечности развиваться и усиливаться дикій произволъ, господствующій въ правительственной области, въ которой у насъ въ Россіи и безъ того предоставленъ неограниченный просторъ самымъ грубымъ и жестокимъ инстинктамъ.

VI.

Голуби побѣдители.

(Басня.)

Какъ дѣло началось — не помню, хоть убей,
Но только семь смиренныхъ голубей,
Узнавъ, что левъ не хочетъ ихъ блюсти обычай,
А вздумалъ (дерзость какова),
Учить ихъ на подобье льва,
Рѣшили отлучить его отъ стаи птичьей.
Не для кого ужъ не секретъ,
Что посланъ льву такой декретъ:
„Чтобъ съ голубями онъ не смѣлъ летать
Покуда не начнетъ какъ голубь ворковать“.
Ликуютъ голуби: „мы побѣдили тутъ
Мы надо львомъ свершили правый судъ.
Въ лицѣ своемъ соединить умѣя,
И кротость голубя, и мудрость змѣя!“

Вопросъ намъ можетъ зададутъ:
„Да гдѣ жъ побѣда тутъ“?
Но такъ какъ, если вѣрить слуху,
Тѣ голуби сродни Святому Духу,
То каждый, чтобы быть цѣлей,
Всякъ шкурой дорожа своей,
Конечно отъ такихъ воздержится вопросцевъ
И будетъ славить голубей побѣдоносцевъ!

VII.

Ослы и левъ.

(Басня.)

Въ одной странѣ, гдѣ правили ослы,
Левъ завелся и сталъ направо и налѣво
О томъ, о семъ судить, и вотъ во всѣ углы
Про рѣчи львиныя зашла далеко слава...

Извѣстно всѣмъ, какой львамъ громкій голосъ
данъ,
Какая скрыта въ нихъ и сила и отвага,
А этотъ первый былъ среди и львинымъ странъ,
И громко говорить считалъ для всѣхъ за благо.

И такъ какъ львы ничуть не схожи на ословъ
И все въ привычкахъ ихъ и ихъ рѣчахъ иное,
То все правленіе ослиныхъ тѣхъ головъ
Отъ львиной дерзости лишился покоя.

— „Какъ? рядомъ долгихъ лѣтъ, природные
ослы,
Обычай нашъ и нравъ привили мы народу,
А дерзкій левъ рычить на насъ свои хулы
И подъ носомъ плодитъ намъ львиную породу!

Къ несчастью пущему народъ нашъ не глухой
И данъ языкъ ему, какъ ни прискорбно это!
Одинъ послушаетъ, послушаетъ другой,
Глядишь и разнесутъ ту ересь на полсвѣта.

„Судить немедля льва!“ — И семеро ословъ
Собралось засѣдать, какъ быть съ врагомъ
косматымъ.
И сановитѣйшихъ ослиныхъ семь головъ
Такъ разрѣшилися посланіемъ чреватымъ:

Левъ названъ гибельнымъ смутителемъ страны,
Порвавшимъ дерзостно съ премудростью осли-
ной,
За то и ждутъ его рогатки сатаны,
Лизанье сковородъ и свистъ и шипъ змѣиный.

Готовы-бъ съѣсть ослы, да все-жъ боятся льва,
И только издали они его лягаютъ,
И даже ясно такъ звучали ихъ слова:
„Вамъ, левъ неистовый, покаяться нельзя-ли?

Забудьте львиныя замашки и хулы,
Хоть очень смѣлы вы, но мы вѣдь тоже въ
силѣ,
Покайтесь, будетъ вамъ, подите-ка въ ослы,
Кто знаетъ? можетъ быть чины бы получили...“

Когда же льву прочли зловѣщую рацею,
То онъ сказалъ, махнувъ презрительно хво-
стомъ:
„Здѣсь все написано ослинымъ языкомъ,
А я по львиному лишь понимать умѣю“.

